

Е. А. Гончарова

ТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ И СТИЛЬ

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия стиля с базовыми текстовыми категориями, или критериями текстуальности: связностью, целостностью, интенциональностью, адресованностью/воспринимаемостью, информативностью, ситуативностью, интертекстуальностью. Опора на авторитетные научно-теоретические мнения, а также интерпретация текстового материала позволяют утверждать, что стиль как «модус формулирования» текста влияет по принципу коммутации на характер реализации в его структуре каждой из текстовых категорий. Однако, в отличие от названных критериев текстуальности, которые указывают на постоянные свойства текста как системно и структурно организованного (языкового) высказывания, не зависящие от его принадлежности определенному автору, стиль является переменным, индивидуально и социально обусловленным параметром текстовой структуры. Его модификации обуславливаются сменой автора и (речевого) способа представления им предмета / темы познания и коммуникации.

Ключевые слова: текст, стиль, модус формулирования, текстовая категория, автор.

Е. Goncharova

TEXT CATEGORIES AND STYLE

The paper addresses the correlation between style and the basic text categories or standards of textuality: cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality, and intertextuality. Based on a review of authoritative academic opinions and also on text analysis we conducted, we suggest that style as a mode of text creation influences the features of all textual standards on the switching principle. The text categories listed above reveal inherent text characteristics and are typical of any text regardless of the writer's individual style, while the text itself is considered a systemically and structurally organized utterance. On the contrary, style is a variable, individually and socially determined parameter of the text structure. An author and their manner of presenting the subject and the sphere of knowledge, and their manner of communication define the style modifications.

Keywords: text, style, mode of text creation, text category, author.

Абсолютное большинство современных филологических исследований, прямо или косвенно затрагивающих проблемы использования языка человеком и как врожденного и развиваемого с течением жизни опыта освоения мира, и как данного только человеку инструмента общения с разными его ипостасями, включают в поле научных наблюдений **текст**. При этом тексту как феномену языка и речи, существующему в виде материализованного комплекса языковых знаков, приписываются в качестве категориальных признаков *системность* и *структурность*, которые предполагают многоуровневую вза-

имосвязанность и взаимозависимость отдельных языковых единиц, функционирующих в качестве композиционно-смысловых и архитектурных компонентов текстового целого. Опора на названные признаки текста позволяет лингвистам-интерпретаторам не только глубже понять (как актуальные для конкретного текста, так и потенциальные) семантические и прагматические свойства каждого языкового элемента в отдельности, но и выявить проекции их системно и структурно организованного единства на иные системы, в первую очередь — на систему языка и систему человека.

Продолжим и поясним это утверждение словами М. М. Бахтина: «<...> за каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). <...> По отношению к этому моменту все повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством» [2, с. 283]. Первая и заключительная части приведенной цитаты непосредственно указывают на связь «системы текста» с системой языка. Ее срединная часть, касающаяся «индивидуальности, единственности и неповторимости» текста, соотносит его с «системой человека», вне проекции на которую текст утрачивает свою подлинность. Похожую мысль высказывает и А. А. Залевская: «<...> тело текста, взятое само по себе, без означивающего его человека, не несет какой-либо внутренней энергетике, не может самоорганизовываться структурно» [9, с. 25].

Каждый речевой субъект, выступающий в роли автора текста, претворяет в практику (системное) знание языка и речевые компетенции, которыми он располагает, для осуществления собственного «замысла» путем отбора необходимых для этого языковых средств и их объединения в композиционно (план содержания текста) и архитектурно (план выражения текста) выстроенной структуре. Этот замысел может быть вызван либо потребностью речемыслительного субъекта в осуществлении интеллектуального творческого акта (научное или литературно-художественное познание мира, материализованное текстом), либо необходимостью решения повседневной индивидуально-социальной проблемы (устройство на учебу или работу, деловое общение с социальными институтами, приобщение к политической жизни общества, требующие создания специальных типов текста и др.).

И сам замысел, и способ его инструментально-языковой реализации в виде текста не могут не зависеть тем самым как от индивидуально-личностных (ментальных, психологических и др.), так и социально-типологических (общественно-статусных, профессиональных, функционально-ролевых) свойств речевого субъекта — автора текста. Система этих свойств, определяющая структуру любой языковой личности и влияющая на процессы концептуально-мысленного порождения и языковой материализации текста, подвижна и динамична, она неотделима от общей *системы деятельности* языковой личности. Внутри общей деятельностной системы человека речевая деятельность взаимодействует с иными формами его (практической, исследовательской, созидательной, репродуктивной и др.) деятельности, реализуя посредством текстов и характерные для этих форм виды отношений (с предметами/объектами деятельности, с другими потребителями языка, с иными кодовыми системами и т. д.).

Об онтологической неотрывности речевых произведений от «деятельностной системы» человека свидетельствует и следующая закономерность в существовании текстов — принципиальная невозможность отсутствия адресации, или рецепции, то есть восприятия, понимания и интерпретации со стороны читателя / слушателя. Текст является всегда источником определенной (новой) информации, исходящей от адресанта-автора, получение, освоение и переработка которой осуществляется адресатом, оставляя «след» в «ответных» текстах последнего, что, в свою очередь, обеспечивает динамику познавательных и коммуникационных процессов в обществе и социального взаимодействия как такового.

Динамическая система человека, стоящая за текстом, играет роль его организующей и деятельной силы и потому, что именно с ее параметрами связана делимитация, то есть определение начальной и конечной границ текста как целостного речевого высказывания. Сошлемся вновь на слова М. М. Бахтина:

«Как ни различны высказывания по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному построению, они обладают как единицы речевого общения общими структурными особенностями, и прежде всего совершенно четкими *границами*. <...> Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются *сменой речевых субъектов*, то есть сменой говорящих. Всякое высказывание — от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата — имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец <...>» (курсив автора. — Е. Г.) [2, с. 249–250].

Однако, несмотря на то, что материальное «тело текста» (см. выше) имеет начало и конец, текст как система по определению предполагает, как отмечалось выше, обязательность его обращенности к адресату, функция которого состоит в продолжении активируемого автором «диалога сознаний» [по Бахтину] и «разгерметизации» композиционно-архитектонической структуры текста. Осознание этого привело лингвистов к выводам о дискурсивной открытости референциально-смысловых и коммуникативно-прагматических границ текста и имманентном присутствии в нем проекций на психологические, когнитивные, социокультурные ситуации [ср.: 1, с. 7–13; 7, с. 10–33; 10, с. 125–156; 13, с. 67–79; 15, с. 48–53; 18, S. 106–120 и др.].

В то же время, невзирая на взрыв междисциплинарного научного интереса к проблемам дискурса, наблюдаемый в последние десятилетия в отечественном языкознании, и появление самостоятельной лингвистической дисциплины, изучающей его (дискурс-анализ, лингвистика дискурса), текст не утрачивает своей исследовательской значимости в функции исходной материальной конструкции для актуализации разных видов дискурсов и дискурсивных практик. Включение в параметры изучения текста его дискурсивных проекций позволяет по-новому оценить имманентно присущую ему процессуальность, то есть, с одной стороны, прагматическую зависи-

мость текстовой структуры от иных (внешних) систем, а с другой — семантико-структурную подчиненность всех элементов содержания и формы «системе текста» и связанную с этим их абсолютную (внутреннюю) взаимозависимость и взаимообусловленность. В частности, рассмотрение текста в аспекте взаимодействия в нем в функции составляющих смысл текстового целого элементов разных кодовых систем внесло в 80-е годы прошлого столетия в список параметров текста такие его признаки, как «мультикодовость» и «мультимедиальность» [19, с. 89–100], которые принадлежат к сигналам его дискурсивной открытости.

Как всякая конструкция, текст должен обладать рядом конструктивных признаков, имеющих категориальное значение для его строения и определяющихся его (когнитивным и коммуникативно-прагматическим) назначением. Подобные параметры, или признаки, которые служат мерилем для оценки того, может ли определенная цепочка языковых знаков считаться осмысленно и системно выстраиваемой целостной текстовой структурой, называются традиционно «критериями текстуальности» [17; 22], категориями текста [5; 12; 14 и др.], или «конститутивными свойствами» текста [16, с. 50–106]. Они «<...> носят характер универсалий и обнаруживаются в связанном тексте независимо от языка, на котором создан данный текст, и независимо от типа текста» [14, с. 81].

Число обязательных критериев текстуальности, или категорий текста, у разных авторов различно, как несколько отличаются и терминологические обозначения, и характер их содержательного толкования. Так, у немецких исследователей текста Р. Богранда и В. Дресслера, которые первыми дали сводный список критериев текстуальности, послуживший источником для непрекращающейся дискуссии, находим семь конститутивных признаков текста: когезия (Kohäsion), когерентность (Kohärenz), интенциональность / намеренность (Intentionalität), воспринимаемость (Akzeptabilität), информативность (Info-

mativität), ситуативность (Situationalität), интертекстуальность (Intertextualität) [17]. В русских исследованиях текста первые две категории чаще обозначаются как «связность» и «цельность». В теории текста И. Р. Гальперина их содержание уточняется с помощью текстовых категорий «континуума» (и его составляющих «проспекции» и «ретроспекции»), а также «интеграции» [5, с. 87–98, 124–135 и др.]. Критерий «восприимчивости», наиболее часто подвергающийся критическому переосмыслению [Ср. 22, с. 52–55], справедливо перерастает в отечественной лингвистике текста в «адресованность» [8, с. 14–23] и т. д.

Из-за ограниченности объема жанра статьи мы не останавливаемся на отдельных моментах дискуссии по поводу критериев текстуральности, проводившейся в 80–90-е годы прошлого столетия, и на пояснении сути каждого из них. Это нашло детальное освещение в известных трудах по лингвистике текста, названных выше. Подчеркнем лишь, что в основе всех перечней текстовых категорий лежат две общие для них фундаментальные установки, а именно, (1) наличие когнитивных предпосылок [«Wissenskonstellationen» по Богранду / Дресслеру, 17, с. 5], обуславливающих целостность текстового «конструкта», и (2) «функциональная», или коммуникативная, общность знаков, последовательность которых создает текст [«kommunikative Okkurenz», 17, с. 3].

Для проблематики, обсуждаемой в рамках настоящей статьи, принципиальное значение имеет вопрос, можно ли *стиль* отнести к текстовым категориям, к его универсалиям. В большинстве работ по лингвистике текста этот вопрос либо не затрагивается вовсе, либо попутно освещается или имплицитно присутствует при освещении отдельных «критериев текстуральности». В первую очередь это касается категорий *интенциональности* и *ситуативности*, наиболее явно соприкасающихся со спецификой текста как целостной в функционально-коммуникативном и прагматическом плане единицы, состоящей из

последовательности языковых знаков [ср.: 12, с. 12–15; 5, с. 18, 118; 14, с. 6–11; 16, с. 57–73 и др.].

Развитие лингвистики текста и появление стилистики текста, а также обогащение концептуального аппарата обеих научных дисциплин за счет новых идей, поступающих, с одной стороны, из семиотики, прагматики, теории речевой деятельности, а с другой — из литературоведения, позволяют причислить стиль в качестве неотчуждаемого антропомерного признака текста к списку его конститутивных свойств. Подобной точки зрения придерживаются многие отечественные и зарубежные лингвисты, особенно те, кого занимают проблемы обоснования исходных методологических позиций теории и практики лингвостилистического анализа целостных речевых произведений.

О неразрывном единстве стиля «с определенными тематическими единствами», «с определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения» писал М. М. Бахтин [2, с. 242]. Идея чехословацкого филолога К. Гаузенбласа о том, что «стиль связан со *структурой созданного*, со специфическим принципом его построения», полностью поддерживается М. Н. Кожинной, также полагающей, что «стиль — это одно из существенных свойств текста, формирующихся и выражающихся в его речевой системности» [11, с. 512, 511].

В последние годы постоянно отмечается онтологическая неразрывность феноменов текста и стиля в немецких исследованиях, связанных, так или иначе, с этой проблематикой. Так, известный в Германии и за рубежом исследователь стиля Б. Зовински отмечает, что к факторам, которые конституируют целостность текста, следует отнести и отличающий его стиль («Wenn man <...> nach den konstituierenden Faktoren eines Textes fragt, die die Einheit eines Textes ermöglichen, so erweist sich auch der jeweils charakteristische Stil als ein solches textprägendes Mittel») [22, с. 10] (здесь и далее перевод наш. — *Е. Г.*).

Эту мысль продолжают высказывания Б. Зандиг, считающей, что стиль текста для участников общения не играет роли только его риторического украшения («alles andere als ein bloßes Ornament») [21, с. 19]. Стиль придает тексту посредством (особого) способа его структурирования «социальный смысл» («sozialer Sinn») [21, с. 19]. Он содержит информацию «<...> о сути действия, о том, кто его осуществляет, кто его предполагаемый адресат, какова ситуация...» («<...> was die Handlung ist, wer die Handelnden sind, wer der intendierte Adressat ist, was die Situation ist...») [21, с. 19].

Аналогичной точки зрения придерживается немецкий текстолог и стилист М. Гофманн, который подчеркивает, что отношение между текстом и стилем — это отношение не «соседства» («kein Nebeneinander von Text und Stil») или «противопоставления» («Gegenüberstellung»), а «взаимопроникновения» («nur ein Ineinander»): «стиль является интегральной составляющей текстов — признаком текстуральности. Стиль не добавляется к текстам: порождая текст, мы тем самым создаем и стиль» («Stil ist ein integraler Bestandteil von Texten — ein *Textualitätsmerkmal*. Wer Texte produziert, stellt immer zugleich auch Stil her. Stil wird Texten nicht hinzugefügt») [19, с. 9] (курсив наш. — Е. Г.).

Опора на представленные выше идеи, а также собственные многолетние исследования автора настоящей статьи позволяют не только обосновать включение стиля текста в перечень обязательных факторов текстообразования, но и показать его коммутативное влияние на характер актуализации в системе и структуре текста других его универсалий. Являясь интегральным качеством, которое охватывает все уровни структуры текста, иначе говоря, «модусом» его формулирования, стиль представляет собой переменный, индивидуально и социально обусловленный параметр текста, зависящий от смены субъекта-автора, (речевого) способа представления им предмета / темы познания и коммуникации и характера выстраиваемого «диалога»

(по Бахтину) с предполагаемым читателем. «Модус формулирования» речевого высказывания дополняет обязательные, базовые, критерии производства текста (как абстрактной, формальной языковой конструкции) проекцией на тексто- и смыслопорождающую функцию речевого субъекта, стоящего за каждым текстом [см. об этом подробнее: 7]. Он свидетельствует о том, что создание текстовой структуры всегда — не только в художественной, но и в других, так называемых повседневных сферах общения, — заключается не просто в переводе готового содержания в соответствующую языковую форму. Это всякий раз творческий индивидуальный речевой акт языковой личности, действующей под давлением собственных явных или скрытых прагматических интенций, а также условий коммуникативной ситуации.

Поэтому мы полностью солидарны с мнением с И. Р. Гальперина, который считал реализацию текста высшей интеграционной стадией стилистического употребления языка [5]. Похожую мысль выражает и Т. Г. Винокур, подчеркивающая, что «<...> филологическая интерпретация текста подразумевает не только его структурно-семантический анализ, но и, как бы встречное, заранее данное знание условий создания именно этой языковой структуры и именно этого смысла, в бумеранговом порядке являющихся источником получения указанного знания» [4, с. 118–119].

Итак, представляя собой способ использования говорящим языка «в своих целях», модус формулирования, или стиль, текста всегда свидетельствует о чем-то большем, чем его собственно предметно-тематическое содержание, и может рассматриваться как существенная часть общей текстовой информации, которую получает и расшифровывает потенциальный адресат (критерий *информативности* текста). Несомненно, объем стилистической информации текста, распознаваемой читателем / слушателем, определяется его мировоззренческим и речевым опытом, а также тем, с какой степенью осознанности и умения автор показывает в создаваемой им

целостной речевой структуре свое знание цели и ситуации общения. Чем более компетентна языковая личность в своем использовании коммуникативного кода — языка и чем более богат ее «функционально-стилистический» речевой резерв, тем более осязаемы в структуре текста, с одной стороны, выражение ею знаний коммуникативно-прагматических норм ситуативного использования этого кода, а с другой — умение отклоняться от этих норм с целью индивидуального «самовыражения». Уровень языковой компетентности адресата обуславливает степень того, насколько точно тот воспримет и поймет прагматический смысл элементов «модуса формулирования» текста, то есть комплекса стилистических «(со-)значений», получаемых единицами языка при их целенаправленном употреблении речевым субъектом в целостной структуре текста (ограниченных его формальным началом и концом).

Стиль текста тесно связан и с двумя базовыми принципами конструирования текстовой структуры: когезией (связностью) и когерентностью (цельностью). В нем, как в неком «подводном течении», отражаются, среди прочего, речемыслительные операции языковой личности по отбору, сочетанию и комбинированию элементов содержания и выражения, создающих в единстве необходимую и соответствующую интенциям автора общую текстовую «атмосферу», от которой, в свою очередь, зависит эффективность персуазивного воздействия текста.

Например, отход от общепринятого в языковедческом научном общении терминологического словоупотребления и нормированного грамматического построения предложений, использование эмоционально-усиленных лексических и синтаксических единиц и др. в предлагаемой статье свидетельствовали бы о нарушении автором принципов текстуальности, разрушили прагматические ожидания читателя и снизили степень его готовности к восприятию плана содержания текста. И наоборот, нередко именно стилистически маркированные средства, прежде всего ритори-

ческие фигуры (синонимического) замещения, противопоставления и изменения порядка слов, являются языковыми сигналами когезии и когерентности текста. Это происходит прежде всего в поэтическом тексте, но наблюдается как некая структурно-семантическая закономерность и во многих современных видах текстов повседневной (мультикодовой и мультимедиаальной) коммуникации.

Сравним два немецкоязычных текста: первый представляет собой короткую лирико-эпическую миниатюру известного немецкого писателя 2-й половины XX века Э. Штриттматтера, а второй — предвыборный плакат партии ФРГ «Левое движение».

(1) DESHALB

Eva kam aus dem Wald und erzählte: «Der **Mond** war schmal wie ein **Sichelblatt**. Der **Himmel** hing tief und war **rot gelobt**. **Wildenten** flogen im **Keil** unterm **Mond**; am Luchrand blauten die **Tannen** im **Tau** ...»

Der **Sichelmond** und der **Himmel in Rot**, der **Entenkeil** über **Tannen und Tau** — vier *Deshalbs*, die ich entgegensezte, wenn sich das Leben mir widrig zeigt, wenn die *Wozus* und *Warums* mich plagen.

(2)

ZEIG STÄRKE

für bezahlbaren Wohnraum

nicht nur **am Arsch der Welt**

Mit uns. Für Dich. DIE LINKE.

Совокупный образ лирического переживания и эстетическая экспрессия первого текста создаются модусом формулирования, в котором можно выделить несколько стилистических доминант. Первая доминанта (композиционного уровня) когерентно охватывает весь текст и заключается в ассоциативной корреляции прямой речи персонажа, содержанием которой является динамическое описание природы, и следующего сразу за ней лирического авторского комментария, который аккумулирует смысл этого описания в символах, выраженных субстантивирован-

ными вопросительными словами *поэтому*, *зачем* и *почему* во множественном числе. Тема комментария (и всего текста) — примирение человека с тяготами жизни с помощью созерцательного погружения в природу и единения с ней. Эти композиционные части связываются между собой и стилистически значимыми элементами когезии: буквальными и варьированными лексико-семантическими повторами, а также «суммирующим» их обозначением числа (*четыре*). Интерпретация обеих композиционных частей в аспекте связности и цельности текстовой структуры помогает глубже понять и тематическую суть концептуально-содержательной информации текста.

Модус формулирования второго текста задается типичной для текстов политического плаката интенцией, которая заключается в выражении апеллятивной энергии. В функции стилистической и прагматико-смысловой доминанты текстовой структуры здесь выступает прежде всего императив в форме единственного числа (*Покажи силу*) с имплицитным выражением доверительной обращенности к потенциальному адресату — молодым людям. Обобщенный иконический образ этого адресата мы видим на заднем плане текста — улыбающуюся девушку, которая со сжатым кулаком демонстрирует силу мускулов. Расположенный по центру императив когерентно связан с двумя отдаленными от него в пространстве текста синтактико-стилистическими фигурами абсолютного обособления (*С нами. Для тебя.*). Они находятся в левом нижнем углу плаката и также актуализируют семантику доверительного общения на «ты». Эффект непринужденности коммуникативного контакта усиливается и с помощью фразеологизма *am Arsch der Welt* (в «медвежьем углу»), имеющего в немецком узусе стилистическую помету «просторечный». Функцию когерентного сцепления текста выполняет и графика текста: стилистически релевантные размеры шрифта, расставляющие тематико-прагматические акценты в тексте.

Приведенные примеры показывают и релевантность модуса формулирования для актуализации категории *ситуативности*. На основе интерпретации выше отмеченных стилистических доминант могут быть реконструированы ситуации речемыслительного диалога с потенциальным реципиентом, осуществляемого этими текстами: в первом случае — ситуация литературной коммуникации, в основе которой лежит образно-художественное воплощение в виде текста переживаемых личных ассоциаций, во втором — ситуация институциональной (партийной) политической апелляции к адресату определенной возрастной группы.

Что же касается проекций стиля текста на критерий интертекстуальности, то они также проявляются в обоих приводимых примерах. Во-первых, это актуализация референциальной интертекстуальности. В прозаической миниатюре Э. Штриттматтера автор использует традиционный для художественных речевых жанров метод ассоциативно-образного синтеза (внутренних) переживаний человека с (внешними) явлениями природы (референциальная интертекстуальность как воспроизведение повторяющегося лирического мотива). Вербальный и невербальный контекст плаката «Левого движения» дискурсивно соотнесен с молодежным социокультурным контекстом (ср. заимствованный из молодежного сленга фразеологизм, полосатую тенниску, в которую одета изображенная девушка). Во-вторых, модус формулирования в обоих текстах свидетельствует о наличии в них неких общих признаков текстового конструирования, характерных для (1) поэтического речевого жанра и (2) текста плаката. Тем самым в стиле текста реализуется прототипическая, или текстотипологическая, интертекстуальность [8, с. 23].

Таким образом, стиль, или модус формулирования текста, демонстрируя характер избирательной, комбинирующей и синтезирующей работы речевого субъекта, который создает текст, с языком, принадлежит к неотчуждаемым антропомерным признакам

текста. Как неотъемлемая составляющая текстовой структуры стиль неразрывно связан с базовыми критериями текстуальности (текстовыми категориями): связностью, (тематико-смысловой) целостностью, интенциональностью, адресованностью, информативностью, ситуативностью, интертекстуальностью. Однако, в отличие от вышеназванных критериев текстуальности, указывающих на постоянные свойства текста, не зависящие от речемысле-

тельного «произвола» автора, стиль является его переменным, индивидуально и социально обусловленным параметром, модификации которого зависят от смены субъекта-автора и (речевого) способа представления им предмета / темы познания и коммуникации. В то же время стиль конкретного текста влияет по принципу коммутации на характер реализации в его структуре каждого из вышеназванных параметров текстуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева В. А.* Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб.: Норма, 2006. 181 с.
2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
3. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–307.
4. *Винокур Т. Г.* Стилистика как она есть. Избранные работы / сост. С. В. Киселев. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 168 с.
5. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2005. 144 с.
6. *Гончарова Е. А.* Дискурсивные параметры стиля // Немечкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VII: Дискурсивные аспекты языковых феноменов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 35–51.
7. *Гончарова Е. А.* Текст — дискурс — стиль как когнитивное, коммуникативно-прагматическое и интерпретационное единство // Текст — дискурс — стиль в современной этнокультуре Германии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 10–33.
8. *Гончарова Е. А., Шишкина И. П.* Интерпретация текста. М.: Высшая школа, 2005. 365 с.
9. *Залевская А. А.* Текст и его понимание. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. 177 с.
10. *Карасик В. И.* Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.
11. *Кожина М. Н.* Стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожина. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 507–513.
12. *Москальская О. И.* Грамматика текста. М.: Высш. школа, 1981. 183 с.
13. *Седов К. Ф.* Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. 440 с.
14. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 126 с.
15. *Филиппов К. А.* Лингвистика текста и современный анализ устной речи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. 228 с.
16. *Щирова И. А., Гончарова Е. А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 440 с.
17. *Beaugrande de R. A., Dressler W. U.* Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 1981. 290 p.
18. *Heinemann M., Heinemann W.* Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion — Text — Diskurs. Tübingen: Niemeyer, 2002. 281 p.
19. *Hoffmann M.* Stil und Text. Tübingen: Narr, 2017. 267 p.
20. *Janich N.* (Hg.) Textlinguistik. 15 Einführungen. Tübingen: Narr, 2008. 383 p.
21. *Sandig B.* Textstilistik des Deutschen. 2. Auflage. Berlin: Walter de Gruyter, 2006. 583 p.
22. *Sowinski B.* Stilistik. Stiltheorien und Stilanalyse. Stuttgart: Metzler, 1991. 247 p.
23. *Vater H.* Einführung in die Textlinguistik. Struktur, Thema und Referenz in Texten. München: Fink, 1992. 206 p.

REFERENCES

1. *Andreeva V. A.* Literaturnyj narrativ: tekst i diskurs. SPb.: Norma, 2006. 181 s.
2. *Bahtin M. M.* Problema rechevyh zhanrov // Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. S. 237–280.
3. *Bahtin M. M.* Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah. Opyt filosofskogo analiza // Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. S. 281–307.
4. *Vinokur T. G.* Stilistika kak ona est'. Izbrannye raboty / sost. S. V. Kiselev. M.: Izd-vo LKI, 2010. 168 s.
5. *Gal'perin I. R.* Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. 3-e izd., ster. M.: Editorial URSS, 2005. 144 s.
6. *Goncharova E. A.* Diskursivnye parametry stilya // Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. Vyp. VII: Diskursivnye aspekty yazykovykh fenomenov. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2018. S. 35–51.
7. *Goncharova E. A.* Tekst — diskurs — stil' kak kognitivnoe, kommunikativno-pragmaticheskoe i interpretatsionnoe edinstvo // Tekst — diskurs — stil' v sovremennoy etnokul'ture Germanii. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2012. S. 10–33.
8. *Goncharova E. A., Shishkina I. P.* Interpretatsiya teksta. M.: Vysshaya shkola, 2005. 365 s.
9. *Zalevskaya A. A.* Tekst i ego ponimanie. Tver': Tverskoy gosudarstvennyj universitet, 2001. 177 s.
10. *Karasik V. I.* Yazykovoe proyavlenie lichnosti. M.: Gnozis, 2015. 384 s.
11. *Kozhina M. N.* Stil' // Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. M.: Flinta; Nauka, 2003. S. 507–513.
12. *Moskal'skaya O. I.* Grammatika teksta. M.: Vyssh. shkola, 1981. 183 s.
13. *Sedov K. F.* Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika. M.: Izd. dom YaSK, 2016. 440 s.
14. *Turaeva Z. Ya.* Lingvistika teksta. M.: Prosveshchenie, 1986. 126 s.
15. *Filippov K. A.* Lingvistika teksta i sovremennyy analiz ustnoy rechi. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2016. 228 s.
16. *Shchirova I. A., Goncharova E. A.* Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretatsiya. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2018. 440 s.
17. *Beaugrande de R. A., Dressler W. U.* Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 1981. 290 p.
18. *Heinemann M., Heinemann W.* Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion — Text — Diskurs. Tübingen: Niemeyer, 2002. 281 p.
19. *Hoffmann M.* Stil und Text. Tübingen: Narr, 2017. 267 p.
20. *Janich N.* (Hg.) Textlinguistik. 15 Einführungen. Tübingen: Narr, 2008. 383 p.
21. *Sandig B.* Textstilistik des Deutschen. 2. Auflage. Berlin: Walter de Gruyter, 2006. 583 p.
22. *Sowinski B.* Stilistik. Stiltheorien und Stilanalyse. Stuttgart: Metzler, 1991. 247 p.
23. *Vater H.* Einführung in die Textlinguistik. Struktur, Thema und Referenz in Texten. München: Fink, 1992. 206 p.